

Опередивший свое время

Спиноза навсегда вошел в историю человеческой культуры как философ, чье имя стало чуть ли не символом философии. Поэтому в прямой зависимости от того, как мы понимаем философию, мы понимаем и Спинозу, роль и значение его личности и его учения в истории человечества – ее прошлого, ее настоящего и ее будущего.

Как философ Спиноза – наш современник. И не потому, что мы отстали на 300 лет, а Потому, что он на 300 лет опередил свое время, поставив проблемы, не решенные человечеством и поныне, с такой ясностью и остротой, что это может вызвать недоумение: как и почему это стало возможно? И не только поставить, а и найти им решение, до сих пор озадачивающее своей общетеоретической точностью, бескомпромиссностью и неумолимой последовательностью приводящих к нему размышлений...

Своим прямым собеседником – оппонентом ли, единомышленником ли – считали Спинозу такие гиганты, как Фихте и Дидро, Лейбниц и Гёте, Гердер и Гегель, Фейербах и Карл Маркс, Плеханов и Альберт Эйнштейн, а ироничный Генрих Гейне, стараясь найти наиболее точный эпитет, выражающий величие Гёте, назвал его «Спинозой поэзии».

Три столетия продолжает идти Спиноза в авангарде европейской и мировой культуры, всё это время оставаясь в самом эпицентре решающих теоретических и идеологических схваток между основными борющимися силами так называемого Нового времени. И всё время – на стороне именно тех сил, которые рано или поздно в этих схватках одерживали победу.

В чем же разгадка этого удивительного феномена? На какие важные вещи, волнующие людей и поныне, впервые открыл человечеству глаза этот грустный и задумчивый человек, проклятый при жизни от имени всех богов земли? Какой таинственной силой наделила его Природа, что он сумел выйти победителем из смертельной схватки с таким могучим противником, как объединенные силы трех «мировых религий», поддержанные всей мощью косности традиционного мышления своей эпохи?

Ответ один. Это могло случиться лишь потому, что Спиноза не был богоборцем-одиночкой, каким его не раз изображали. Потому, что на его стороне незримо сражалась всеодолевающая власть Мировой Необходимости, или, говоря конкретнее, мощь социального прогресса. Потому, что, не придавая особого значения своей персоне и искренне считая себя лишь одним из бесчисленных рядовых борцов за прогресс человеческого рода, Спиноза отдал себя без остатка на беззаветное служение ему.

Когда-то Гёте сказал, что гений – это интеллект, зажатый в тиски необходимости. В этом разгадка гения Спинозы, его личности и его интеллекта. «Индивидуум есть сын своего народа, своего мира, и он лишь проявляет субстанциальность последнего в своей собственной форме», – утверждал, и не без влияния Спинозы, Гегель. И это тоже проливает свет на загадку Спинозы и спинозизма. Поэтому понять Спинозу – значит прежде всего

понять его время и его народ, лучшим выразителем «субстанциальных» (т.е. главных, глобальных, решающих) интересов которого он стал.

XVII век в истории Европы – век переломный, кризисный, жестокий: живьем сжигают «еретиков», воюют католики с протестантами, христиане с турками-мусульманами, испанцы с индейцами, немцы с немцами... Льётся кровь, грохочут пушки, обрушиваются топоры на головы приговоренных, мир оглашают крики ярости и боли, ненависти и отчаяния.

Так начинается для Европы Новое время – эпоха буржуазно-капиталистического развития всей ее культуры и всего ее бескультурья, эпоха торговли и промышленности, эпоха напряженного труда и взрывов научного мышления, чередующихся со взрывами кровавого мракобесия, со всеми ее противоречиями, которые будут отныне сопровождать эту эпоху до самого ее конца.

В этом мире и проснулся к духовной жизни юноша Спиноза. Ему повезло с самого начала больше, чем многим. Амстердам – столица Нидерландов, сумевших на время отгородиться от кровавых безумий, бушевавших в соседних странах, – как раз переживал довольно мирную пору своей буржуазной молодости, ремесел, торговли, искусства, промышленности и науки. По сравнению с другими странами Европы эта страна могла в те годы показаться раем земным. Но не «конкистадоры» ли Ост-Индской компании показали всем последующим поколениям колонизаторов образец жестокости и грабежа народов заморских территорий?!

До прямой поножовщины религиозные распри в Нидерландах доходили редко, хотя, как и везде, католики до хрипоты спорили с протестантами, христиане с иудеями, а различные группы протестантов – друг с другом. Все главные идейные течения тогдашней Европы были тут представлены как в реторте. Со всего мира стекались сюда потоки товаров и потоки информации. И мыслить тут приходилось с учетом горького и тревожного опыта всего окружавшего Нидерланды мира. Понимая при этом, как ненадежно завоеванное благополучие этого островка среди бушующих кровавых волн океана мировых событий.

Нет, жизнь и тут отнюдь не была идиллической. Именно это и заставляло людей размышлять над проблемами века всерьез, а не на досуге, не для удовлетворения склонности к безмятежному философствованию. В частности, и над проблемой религиозного разобщения людей, казавшегося им самим первопричиной их взаимной вражды и нетерпимости, а стало быть, всех войн, грабежей и кровопролитий. И не в известной веротерпимости, а как раз в обратном приходится искать разгадку того направления, в котором очень рано стала развиваться мысль Спинозы:

«...Изложу причины, побудившие меня взяться за перо. Я часто удивлялся, что люди, хвалящиеся исповеданием христианской религии, т.е. исповеданием любви, радости, мира, воздержанности и доверия ко всем, более чем несправедливо спорят между собою и ежедневно проявляют друг к другу самую ожесточенную ненависть; так что веру каждого легче познать по поступкам, чем по добродетелям».

Это говорил человек, на своем собственном горьком опыте убедившийся, что христианская нетерпимость ничуть не лучше, ничуть не мягче, чем нетерпимость мусульманская или иудейская, всю яростную тупость коей он испытал уже в ранней юности. Сегодня кое-кому очень не хотелось бы даже вспоминать об отлучении Спинозы, но История «почему-то» навсегда запомнила два такого рода отлучения – Уриеля Д'Акосты и Спинозы!

Один вид фанатизма ничуть не лучше любого другого – вот в чем рано убедился юноша Спиноза и о чем он открыто заявил миру, вызвав на себя огонь всех видов религиозного мракобесия сразу. Все партии объединились против того, кто не пожелал присоединиться ни к одной из них, чтоб обличать во славу одной из разновидностей безумия и ханжества все остальные. Все хороши, все хуже. Это и стало исходной точкой его философии.

А вовсе не «добрые» традиции иудейства, христианства или мусульманства, как то до сих пор пытаются утверждать современные высокоученые враги его позиции – и иудейские, и христианские биографы, старающиеся во что бы то ни стало отыскать корни его учения именно в толще религиозных традиций, чтобы изобразить его «Этику» как светскую разновидность иудейско-христианского «человеколюбия».

«Давно уже ведь дело дошло до того, что почти всякого, кто бы он ни был – христианин, магометанин, еврей или язычник, – можно распознать только по внешнему виду и одеянию, или по тому, что он посещает тот или этот храм, или, наконец, по тому, что он придерживается того или иного мнения и клянется обычно словами того или другого учителя. *Житейские же правила у всех одинаковы*» (выделено мною. – Э.И.).

Чтобы заметить это в Амстердаме, вовсе не нужно было обладать сверхпроницательным философским умом, тем более гениальным. Нужна была только элементарная наблюдательность. И еще – элементарная интеллектуальная честность – как перед самим собой, так и перед другими. И еще – известное интеллектуальное мужество, сочетаемое с мужеством нравственным, с готовностью претерпеть неприятности, может быть и немалые, в борьбе за право говорить людям правду. Простую правду, которую они то ли не видят, то ли не хотят признать.

Потому-то эта истина и была высказана в Амстердаме, что Амстердам оказался в те годы подлинной ретортой буржуазного развития Европы. Подлинным центральным храмом города тут рано стала Биржа, а те «житейские правила», которым одинаково следовали тут и еврей, и христианин, и магометанин, и язычник, были достаточно просты, циничны и в то же время неукоснительны. Правила, выражавшие суть товарно-денежных отношений. Правила, обеспечивающие процесс присвоения чужого труда.

Этим правилам молодой Спиноза тоже не захотел следовать: он предпочел своими руками шлифовать линзы и стекла для очков и приборов. Тем самым он также встал в нравственную и интеллектуальную оппозицию не только к миру религиозной поэзии, но и – что не менее важно – к миру торгашеской прозы, денежного капитала и присвоения чужого труда.

Здесь, а не где-либо еще и следует, верно, искать разгадку гуманистического благородства его мышления и его личности, его логики и его этики. Здесь же надо видеть и гарантию бессмертия его философской системы.

Его философия, изложенная в «Этике», «Богословско-политическом трактате», «Трактате об очищении интеллекта» и хорошо дополненная перепиской, – это естественная теоретическая позиция человека, умеющего и любящего своими, а не чужими руками делать умные и полезные для другого человека вещи, не торговать ими, извлекая из этого корысть, равно как и из красивых слов о «пользе труда», «воздержанности» и тому подобных «моральных ценностях», составляющих официальный кодекс мира торговли и эксплуатации человека человеком.

Поэтому «Этика», которую он не торопясь писал в тиши, без расчёта на литературный успех и славу, и смогла сделаться подлинным сводом нравственной аксиоматики лучшей фракции нарождавшегося в муках общества – его *трудящейся* фракции, его *рабочего* сословия, и никак не фракции (класса) дельцов, торгашей и банкиров. Отсюда ее неподдельный демократизм – демократизм и логики, и чувства.

Это он, Спиноза, триста лет назад подписал смертный приговор не только всем религиям земли, но и их философскому концентрату – идеализму, показав ясно, как на ладони, общую им всем суть: антропоморфизм, – равно как и всем формам агностицизма – своей теорией познания. Все легенды о боге, об абсолютном духе и прочих сверхъестественных существах – это лишь нагромождение антропоморфных иллюзий, которые человек создает о всемогущей силе бесконечной Природы, приписывая им весь свой собственный эгоизм, всю свою собственную ограниченность – и национальную, и индивидуальную, и всякую иную, – и именно потому, что столь же мало и плохо знает и понимает самого себя, свою собственную природу. А отсюда двойная и потому безвыходная ложь.

Последовательный материализм Спинозы прямо обязывал его, во-первых, очистить человеческие представления о природе (о «боге») от всех следов антропоморфизма, а во-вторых, понять самого человека, по образу и подобию которого кроилось до сих пор представление о «боге», как реальную, телесную частичку великого природного целого. Как крайне своеобразный «модус субстанции», как мыслящее тело.

Мышление – это самое загадочное свойство человеческого тела, которое в силу своей загадочности как раз и дает больше всего поводов для различных суеверий, – так же невозможно отделить от человеческого тела, как и другой его атрибут – «протяженность». Мышление – не что иное, как способ активного действия протяженного тела человека, живущего среди других протяженных тел и взаимодействующего с ними. Отсюда и общее понимание природы мышления, до сих пор поражающее своей точной материалистической нацеленностью: это присущая каждому мыслящему существу способность строить свои действия, сообразуясь с формой и расположением всех других тел, а не с особой формой и особым расположением частиц, из коих оно само устроено. Мышление в идеале, в пределе своего развития, есть поэтому способность человека (или подобного ему в этом отношении существа) осуществлять свою активную деятельность в мире сообразно совокупной мировой необходимости.

А это и есть свобода. Чем человек активнее, чем большее количество внешних тел он вовлекает в свою деятельность, подвергаясь в силу их противодействия ответным воздействиям с их стороны, тем больше мера его свободы, ибо чем лучше он знает природу вещей, тем умнее (а стало быть, и успешнее) он с ними действует, тем меньше он испытывает их неодолимое сопротивление. Абсолютная свобода – абсолютно полное согласие действий человека с совокупной мировой необходимостью. Реальному, земному человеку до этого, разумеется, очень далеко, но направление, двигаясь по которому он может достигать все большей и большей свободы (единственно доступной ему свободы), этим очерчено совершенно точно и однозначно. И навсегда.

Такое понимание мышления и связанной с ним свободы мог подарить миру только человек труда. Человек, знавший цену и своего и чужого труда, работы умных человеческих рук и потому по достоинству сумевший оценить эту первозданную – никаким «бестелесным духом» не опосредованную, прямую – связь, существующую между работой человеческой головы и работой человеческих рук, которая и разрешает материалистически старинную загадку отношения «души и тела», пресловутую «психофизическую проблему».

Действует в мире и «мыслит» о нем одно и то же тело – тело живого человека. А не два разных, неизвестно как сообщающихся между собой существа, одно из которых – «душа», а другое – «грешная плоть», сама по себе души и мышления якобы лишенная.

Разделение человека на «душу» и «тело», из которого исходит любая религия, – это членение в принципе, с самого начала, ложное. Прочность же этого представления, с которым не смог распрощаться даже великий и проницательный Декарт, покоится на иллюзии, неизбежно создаваемой «интроспекцией» – самонаблюдением. Когда человек внимательнейшим образом, как это делал Декарт, вслушивается и всматривается в свои собственные «внутренние состояния», он, естественно, становится слеп и глух ко всему, что происходит вокруг. Непосредственно данные ему внутренние состояния собственного тела он при этом сознает, а «могущества внешних причин», которые эти состояния вызвали, он не только не сознает, но даже и рассматривать не хочет.

Так и возникает иллюзия «свободной воли»: «Ребенок убежден, что он свободно ищет молока, разгневанный мальчик – что он свободно желает мщения, трус – бегства. Пьяный убеждён, что он по свободному определению души говорит то, что впоследствии трезвый желал бы взять назад...»

Поэтому-то ребенок, мальчик, трус и пьяница так легко и начинают верить в сказку о «свободной воле» и об особой – бестелесной и бессмертной – «душе», которая «свободно» командует человеческим телом, будучи сама абсолютно неподвластна связи и порядку вещей в телесном мире вообще, а подвластна только воле и разуму «бога». И сам «бог» начинает тут представляться как такая же «бестелесная душа», наделенная совершенно безграничной «свободой воли», т.е. по образу и подобию ложного представления человека о самом себе...

Принципиально отвергая религиозную иллюзию «свободы воли», Спиноза тем самым впервые устанавливает действительно материалистическое понятие и «воли» и «свободы». Воля толкуется им как вполне реальная способность человеческого тела активно двигаться в мире других тел природы, активно воздействуя на них и подвергаясь их активному противодействию, т.е. испытывая «страдательные», пассивные состояния. Но в таком понимании воля ничем не отличается от мышления, от разума. Это просто лишнее название для мышления – для способности строить свои действия, считаясь с природой (с формой и расположением) всех внешних тел, а не со своими собственными «внутренними состояниями».

Поэтому-то «свободной» эта воля бывает тогда, когда человеческое тело действует сообразно «порядку и связи вещей», а не вопреки им. Когда же человек начинает делать то, что ему «желается», не желая считаться ни с чем, кроме своих желаний, он, естественно, сразу же упирается в неодолимое сопротивление окружающего мира, мира других людей и вещей, и никакой «свободы» не достигает, оставаясь при иллюзии свободы.

Под волей Спиноза и понимает умное, разумное влечение или стремление тела человека, т.е. такое влечение и стремление, которое согласуется с общим порядком и связью тел (как других людей, так и вещей) окружающего мира. А в этот порядок и связь каждое тело вплетено изначально, и человеческое тело не составляет исключения. Его преимущество лишь в том, что оно способно с этим объективным фактом активно (т.е. сознательно) считаться, корректируя свои действия и стремления в ходе их осуществления. Или, что еще лучше, заранее сообразуя их с необходимым и потому неодолимым порядком вещей. Тут-то

человек только и обретает действительную, а не мнимую, не вымышленную священниками и Декартом свободу воли.

Свобода воли есть поэтому не даровая подачка, якобы брошенная человеку милосердным и щедрым господом богом, а результат трудной работы самого человеческого тела внутри телесного же мира – способность, которая и рождается и развивается только его собственной активностью.

Это поистине блестящее – и материалистическое и диалектическое одновременно – разрешение старинной проблемы: отношения «свободы» к «необходимости». Решение настолько точное, что, по существу, ничего нового тут не смог прибавить сам Гегель полтора века спустя. И он повторил Спинозовское определение свободы как понятой (познанной) необходимости, кое в чем даже отступив по сравнению со Спинозой назад. По Гегелю, свобода заключается в познании мировой необходимости, по Спинозе – в действовании согласно познанной необходимости, в реальном, телесном акте. И в этом отношении современное, диалектико-материалистическое решение проблемы гораздо ближе к решению Спинозы, нежели к гегелевскому.

Оценить полной мерой действительное величие и значение философии Бенедикта Спинозы человечеству, пожалуй, еще только предстоит. И не только в плане научного понимания «природы человека», решения извечного вопроса философии об отношении «духа» к «материи», «свободы» к «необходимости», а даже и в таких, казалось бы, далеких от философии областях, как современная физика. Эйнштейн это понимал. Недаром он выразил желание (осуществимое вполне реально, без всякой мистики) иметь «третьейским судьей» в споре с Нильсом Бором по поводу перспектив развития квантовой механики не кого-нибудь, а именно «старика Спинозу».

Выдающийся советский психолог Л.С. Выготский писал не раз, что единственная теоретическая система, способная вывести современную психологию человека из тупика в такой сложной проблеме, как проблема эмоций (на языке XVII века она именовалась проблемой «аффектов»), – это система того же Спинозы. Можно думать, что Спинозе предстоит сыграть роль и в решении не только перечисленных проблем. Ибо последовательно материалистический подход к решению труднейших проблем науки и нравственности никто до Маркса и Ленина не осуществил с такой полнотой, как он.

«Этика» великого материалиста завершается, как известно, рассмотрением вопроса о том, как же именно должны устроить свою совместную – общественную – жизнь люди, понявшие ту простую и великую истину, что для разумного человека «для его самосохранения и наслаждения разумной жизнью, нет ничего полезнее, как человек, руководствующийся разумом», и что именно человек – не вещи, не деньги, не слова и тому подобные мнимые ценности – есть для человека высший и самый интересный предмет в универсуме.

Решение Спинозы и тут гениально и просто, хотя и носит еще очень общий характер. Люди должны организоваться в такое общество, которое обеспечило бы возможность каждому из них полностью развернуть в действии свою человеческую природу, стать Человеком с большой буквы. В общество, в котором каждый человек, став разумным человеком, выше всего на свете ценил бы другого столь же разумного человека и действовал бы на благо другого человека, а стало быть, и на собственное благо, отменяя прочь все другие, мнимые ценности и цели.

Спиноза прекрасно понимал, как далеко еще людям до утверждения такого общества, как много им еще предстоит для этого испытать, понять и сделать. Он понимал хорошо и ясно, что сам он до этого «телесно» не доживёт, и нимало о том не печалился: «Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни». И не столько о своей персональной жизни, сколько о жизни всех людей. Поэтому, пока будут вообще жить на Земле люди, будет жить вместе с ними и Спиноза.